

Екатерина Суровцева
(Москва)

ПИСЬМО-ДИФИРАМБ КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ «ПИСЬМА ВОЖДЮ»

Среди «писем вождю» можно выделить целый ряд эпистолярных текстов отчетливо дифирамбического характера. Иногда к сдержанному славословию вынуждены были прибегать авторы писем-жалоб (просьб) с целью подчеркнуть уважение к личности, мнению и воле адресата, от которого зависит личная судьба автора, судьба его родных и друзей, его произведений. Однако основной пафос этих писем славословием не определяется, за тезисами о «мудрости» и «справедливости» адресата отчетливо сквозят тревога и боль, страх и негодование. Но есть письма вождям, в которых открыто не сформулирована (хотя нередко в завуалированном виде содержится) просьба или жалоба. Такие письма имеют целью выразить благодарность власти за благосклонность, наладить по возможности плодотворный диалог с ней, иногда в этих письмах содержится элемент творческого отчета перед «высочайшим» читателем или его приближенными. В этой связи мы рассматриваем письма А.Толстого, Я.Ларри Сталину. Близки к этой жанровой разновидности «письма вождю» некоторые тексты А.Корнейчука, М.Шолохова и Б.Пастернака, поднимающегося в своем письме Сталину до обсуждения темы органического единства властителя и поэта.

Эта разновидность письма вождю, условно сближенная с жанром дифирамба, имеет важную особенность, которая отличает письма такого рода от потока эпистолярных, в том числе и коллективных, панегириков вождю, которым была отмечена сталинская эпоха (равно как и потоком эпистолярной хулы и проклятий в адрес «врагов народа» всех уровней). Письма писателей, содержащие комплименты представителям верховной власти, более или менее откровенно выраженное славословие, претендовали на необщие слова, позволявшие установить личный контакт. Поэтому их письма были написаны, как правило, задушевым, доверительным или сдержанно-почтительным тоном и имели целью, как уже говорилось, добровольно наладить диалог с властью; они создавали иллюзию взаимопонимания между художником и представителем верхушки тоталитарного государства. Оговоримся, что элементы славословия (вынужденного) содержатся и во многих письмах-жалобах или просьбах, но там они иначе мотивированы.

Одно из таких писем принадлежит драматургу А.Корнейчуку, весьма лояльному власти литератору, автору известных в свое время пьес «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «В степях Украины», «Фронт» и др. По поводу последних двух пьес и состоялась его переписка с вождем. Обе пьесы были высоко оценены Сталиным как «правильные» и «полезные»; в записке драматургу (от 28 декабря 1940 г.) вождь сказал о пьесе «В степях Украины»: «Получилась замечательная штука»¹. Рукой Сталина в текст Корнейчука внесены исправления – в заключительной сцене изменено несколько слов². Пьеса «Фронт», содержащая критику жестких командных методов и консерватизма в Красной Армии, вызвала после публикации в «Правде» (24 – 27 августа 1942 г.) негативную реакцию маршала С.Тимошенко, который даже направил телеграмму Сталину, назвав пьесу вредной и предложив привлечь автора к ответу. Видимо, Тимошенко не догадался, что пьеса была заказана лично вождем и ее публикация в центральном органе могла

¹ Сталин И.В. – Корнейчуку А.Е. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг. Сост. А.Артизов и О.Наумов. М., 2002. С. 466.

² Подробнее см.: Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 201 – 202.

состояться лишь с его одобрения. В тот же день вождь ответил маршалу телеграммой, в которой отметил, что «пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии» и что Тимошенко ошибается в оценке пьесы.

1 сентября 1942 года Сталин переслал Корнейчуку телеграмму Тимошенко и свой ответ на нее, приложив к этим бумагам сопроводительную записку³.

В ответ на эти события 3 сентября 1942 года Корнейчук написал короткое письмо Сталину. Он «сердечно благодарит» вождя за внимание и понимание, выражает готовность служить своим искусством советскому государству и даже позволяет себе, рассчитывая на адекватную реакцию вождя, пошутить над неизвестными читателями, критически оценившими его пьесу. Он пишет, что если те, кто пообещал «переломать ему кости», набросятся поодиночке, а не все вместе, – «тогда это уже не так страшно»⁴. Тон письма доверительный, почтительно-дружеский: драматург в данном случае не имеет иных целей, кроме желания выразить благодарность вождю за поддержку пьес и подчеркнуть свою благонамеренность.

Уместным будет рассмотреть здесь одно из писем М.Шолохова от 11 декабря 1939 г.⁵, которое он посылает Сталину из Вёшенской, приурочив его ко дню рождения вождя и окончанию «Тихого Дона». Это послание отличается от всех прочих текстов Шолохова своей интимностью, задушевностью. Михаил Александрович рассказывает о том, что жена не давала ему пить коньяк, подаренный Сталиным во время посещения писателем дачи вождя (24 мая 1936 г.), и что они после долгих споров нашли компромисс – распить бутылку, когда Шолохов закончит «Тихий Дон». И вот он заканчивает книгу в момент, когда приближается 21 декабря – день рождения Иосифа Виссарионовича. Писатель хочет выпить сталинского коньяку в день его рождения и пожелать вождю того, что «желает старик из приложенной статейки» – здоровья и долголетия. Заздравному тексту письма соответствует одно из наиболее сердечных обращений к вождю, на которые оказывается способным писатель в рамках переписки: «Дорогой т. Сталин!». Самоирония («в трудные минуты жизни... я не раз покушался на целостность Вашего подарка») и ирония в адрес жены и женщин вообще, «с отвратительным упрямством», «яростно и методично» охраняющих мужей от невоздержанных возлияний, придают письму демократичность, домашность интонаций. Шолохов сообщает также о том, что решил послать Сталину свою статью, сомневаясь, напечатает ли ее «Правда». В ней вспоминается, как «в 1933 году враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края... лишили колхозников хлеба» и как Сталин незамедлительно откликнулся на просьбу группы партийных работников о помощи. Шолохов пишет, какую благодарность испытывают колхозники по отношению к своему любимому вождю и что лучше всего отблагодарить вождя следует не пышными пространными фразами и речами, а простым сердечным словом «Спасибо», ибо «говоря о Сталине, можно благодарить без многословия, ...оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами». Это статья о том, что для многих людей 21 декабря – праздник, во время которого соберется вся семья, подумает о том, «как много больших и трудных забот о народе лежит на его (Сталина – Е.С.) плечах», хозяин произнесет тост с пожеланием здоровья и долголетия вождю, которому «вся наша великая страна могуществом и расцветом обязана», и только потом заговорят о политике, об урожае⁶. Многократно усиленное в статье (по сравнению с письмом) славословие в адрес вождя дает повод отнести к обоим текстам как к чистой воды официозу. Здесь есть все основные устойчивые панегирические

³ И.В.Сталин – С.К.Тимошенко; И.В.Сталин – А.Е.Корнейчуку // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 479.

⁴ Корнейчук А.Е. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 479 – 480

⁵ Шолохов М.А. – Сталину И.В. // Писатель вождь: Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931 – 1950 годы. Сб. документов из личного архива И.В.Сталина. Сост. Ю.Мулин. М., 1997. С. 127 – 129.

⁶ Писатель вождь... С. 151 – 153.

конструкции, призванные подчеркнуть величие и в то же время скромность вождя, его колоссальную ответственность за страну в целом и вместе с тем его присутствие в каждом доме, семье в качестве дорогого и любимого «человечного человека», согласно советской идеомифологии, уже отработавшей ленинский миф. Сталинский миф претенциознее: имя вождя упоминают в первую очередь (мотив старшинства, отцовства).

Однако при внимательном прочтении этого шолоховского послания вождю мы обнаружим уже отмечавшийся необычный сплав официоза и «ереси» в пределах одного текста, в целом характерный для эпистолярной манеры Шолохова и проявляющийся на разных уровнях содержания и формы его писем. Почему, например, предназначенная для «Правды» статья названа в письме несерьезным словом «статейка» и откуда могут возникнуть сомнения в возможности ее публикации?

Уже в первой строке статьи зачин к опасной дискуссии со Сталиным: «В 1933 году... под видом борьбы с саботажем... весь хлеб, в том числе выданный авансом, был изъят... начался голод»⁷. Это ответ на слова Сталина в его письме Шолохову от 6 мая 1933 г., где вождь отчитывает вёшенца за политическую неразборчивость и объективизм: «Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы... Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону... Ваши письма не беллетристика, а сплошная политика»⁸. Иосиф Виссарионович дает писателю своего рода урок политграмоты, который больше напоминает обоснование обвинения по статье 58 Уголовного кодекса: «Хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку» (саботаж)... по сути, вели тихую войну с советской властью. Войну на измор...»⁹. И это не единственная крамола в письме. Шолохов рискнул прервать замалчивание самого по себе факта организованного из Кремля преступления – насильственный вывоз зерна, что привело к массовому голоду (умерло несколько миллионов человек). Газета «Правда» предостерегала таких правдолюбцев, как Шолохов: «Заявление о голодной смерти миллионов советских человек является вульгарной клеветой, грязным наветом». Кроме того, объектом авторской критики становятся те, кто истово раскручивал маховик вседержавной культовой машины: «Некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний и оценивать великого человека, не злоупотребляя эпитетами»¹⁰.

Статья все же была опубликована¹¹. Возможно, Сталин рассудил, что о его разногласиях с писателем никто не знает, намек на «многословие» и «эпитеты» могут и не понять. Не обидеться на крамольную статью – возможность склонить на свою сторону непокорного литератора.

В данном письме важно еще одно – упоминание о завершении работы над «Тихим Доном». Работа над романом, так стремительно начатая, затянулась в 1930-е годы. Шолохов долго не решался обнародовать заключительные главы, которые не имели ничего общего с тем, что ему настойчиво рекомендовали партийные функционеры и коллеги (Н.Островский, А.Фадеев и др.): Григорий Мелехов должен был непременно «перейти к красным», возможно, даже погибнуть за коммунистическую идею. В обстановке наибольшего разгула политических репрессий в стране Шолохов совершает поистине своенравный поступок: заканчивает роман так, как он, видимо, и был задуман. Прокляв «и революцию, и контрреволюцию», раздавленный ими, потерявший все, чем жил, и все-таки остающийся человеком свободным, Григорий Мелехов в финале

⁷ Там же. С. 151.

⁸ Сталин И.В. – Шолохову М.А. // Писатель вождь... С. 68.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Писатель вождь... С. 152.

¹¹ Правда. 1939. 23 декабря. С. 3. Эта статья вошла также в специальный сборник статей, приуроченный к юбилею вождя (Сталин: К шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940. С. 239 – 241).

предстает как суровый обвинитель разорителей России, идейного экстремизма за счет народа.

Так шолоховские послания, выдержанные в традициях официальных здравниц, обнаруживают неожиданный подтекст, что значительно усложняет их жанровую природу.

Необычное письмо этого же типологического ряда написано в декабре 1940 года писателем Я.Ларри на имя Сталина¹². Письмо необычно самой центральной мыслью, в нем содержащейся, – желанием писать лично для вождя. Сама по себе ситуация, когда вождь видится в роли первого читателя и критика, не нова, но в данном случае он должен стать вообще единственным свидетелем творческих усилий автора письма. Ларри мотивирует такую установку тем, что «нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами», и в то же время «ни у одной исторической личности не было еще своего писателя»¹³. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека», а этот пробел необходимо восполнить. Далее, правда, Ларри допускает оплошность, намеренно принижая себя как художника, говорит об отсутствии литературных способностей, которые он пытается компенсировать «усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам»¹⁴. Эта несоизмеримость масштабов «великого» вождя и заурядного писателя, думается, изначально обрекает на поражение авторскую попытку стать придворным художником, ибо власть, как известно, намерена была приручить и сделать рупором своих идей и собственным летописцем и биографом писателей значительно более крупного масштаба. Возможно, славословие в адрес вождя – лишь не очень тонкая лесть с целью добиться опубликования рукописи, которую письмо сопровождает, однако в нем такая просьба вербально (даже в форме намека) не выражена. Что касается рукописи, то это еще одна неожиданность в «случае Ларри». Сочинение, посылаемое Сталину, состоит из коротких главок, и автор уверен, что его читатель непременно заскучает, когда будет его читать (снова самоуничижение и снова не очень дальновидное предложение «великому» читать «скучный» текст). При этом автор письма использует вряд ли уместное в ситуации «единственный писатель для единственного – великого – читателя» сравнение своей «скучной» рукописи с ядом: «...скука, как яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей»¹⁵. Речь идет о семи главах социально-фантастической повести «Небесный гость». Сюжет повести – экспедиция на Землю космического корабля марсиан. В беседах с землянами гости выясняют истинное положение советского общества, недостатки которого и бедность населения автор обуславливает деятельностью партийно-государственного аппарата. Удивительно, что произведение такой тематики было сопровождено панегирическим в отношении к вождю письмом. Не менее удивительно то, что автор, выражая желание писать лично для Сталина, скрывает свое имя и подписывается грузинским словом Кулиджары. Он только хочет, чтобы Сталин знал, что «есть в Ленинграде один чудака, который своеобразно проводит часы досуга – создает литературное произведение для единственного человека». Ларри пишет: «Вы никогда не узнаете моего настоящего имени»¹⁶.

Власть (и лично вождь) не оценила творческого порыва художника и его готовности писать не для славы, а для вождя – инкогнито. И упоминание яда, и желание остаться неузнанным в контексте письма на имя Сталина, и далекое от славословия содержание повести привели к результатам прямо противоположным тем, на которые, видимо, рассчитывал писатель. Его письмо и повесть были переправлены в НКВД, и вскоре его вычислили. 13 апреля 1941 года Ларри был арестован по обвинению в сочинении

¹² Ларри Я.С. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 468.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

«повести контрреволюционного содержания» и 5 июля 1941 года осужден к десяти годам заключения в концлагере с последующим поражением в правах сроком на пять лет. Выдержки из повести Ларри были опубликованы только в девяностые годы¹⁷.

Совсем иначе, чем трагикомический случай Ларри, выглядит эпистолярное общение с вождем А.Толстого, который в соответствии с рекомендациями Сталина правит драматургическую диологию об Иване Грозном – «Орел и орлица», «Трудные годы». Толстой считал себя последовательным приверженцем реализма, но на практике это был весьма эластичный реализм, нередко вследствие неприкрытой идеологизации превращавшийся в чистейший нормативизм; вместе с тем художественно-условные модели действительности не могли быть реалистическими или чисто реалистическими даже вне такой прямой связи с нормативной идеологией. Писатель бывал чрезвычайно взыскателен к себе, переделывая произведения по многу раз, к сожалению, далеко не всегда в лучшую сторону. Он уничтожал или предавал полному забвению страницы, по каким-то причинам не удовлетворявшие его, и в то же время создал большое количество однодневок, сочинений заведомо крайне слабых, например диологию «Иван Грозный», весьма конъюнктурную (даже довольно доброжелательный к бывшему сотоварищу по эмиграции М.Л.Слоним отметил: «У него сильно развита художественная угодливость, и ради каких-либо «Лозунгов дня» он готов пуститься в самую беспардонную халтуру»¹⁸). Диология была заказана в 1938 году Комитетом по делам искусств и начата в первые дни Отечественной войны. Первая часть диологии – «Орел и орлица» – была негативно оценена А.С.Щербаковым, который в записке Сталину от 28 апреля 1942 года даже предлагал запретить пьесу, так как «постановка этой пьесы или ее издание усугубили бы путаницу в головах историков и писателей по вопросу об истории России в XVI веке и Иване»¹⁹.

30 мая 1942 года председатель Комитета по делам искусств М.Б.Храпченко в газете «Литература и искусство» обрушился на автора с разгромной статьей (в духе того времени), в которой обвинил его в «несоответствии концепции пьесы историческим реалиям», на основании чего пьеса была снята с репетиций.

Первое письмо Толстого Сталину датировано 2 июня 1943 года. Этим письмом писатель сопроводил вторую пьесу диологии – «Трудные годы». Он пишет об Иване Грозном, любимом историческом персонаже вождя, как о великом человеке, самом ярком характере своего времени, «средоточии всех своеобразий русского характера», и даже высказывает мысль, что от Грозного, «как от истока, разливаются ручьи и широкие реки русской литературы»²⁰. Очевидно, что здесь не обошлось без косвенного славословия самому Сталину (данная историческая параллель в те годы была устойчивой). Толстой называет «Орла и орлицу» «опытным пониманием Грозного», а «Трудные годы» – «рассказом о делах Грозного», «самым трудным и самым дорогим произведением». Писатель просит Сталина ознакомиться с «Трудными годами», ссылаясь на то, что Щербаков не дает ему никакого ответа относительно пьесы и она лежит без движения, тогда как Малый театр хочет ее поставить²¹. Письмо выдержано в спокойном, уважительном тоне; писатель обращается к вождю как к третьей стороне, который в состоянии разрешить напряженную ситуацию. Однако сам предмет разговора, в котором не может не быть заинтересован адресат, существенно разводит письмо Толстого с теми образцами писем-жалоб и просьб, которые анализировались выше.

После получения письма Сталин ознакомился с пьесами. Об этих произведениях состоялась беседа вождя с писателем²² явно не без последствий для их «доработки».

¹⁷ См. в издании: Писатели – жертвы политических репрессий. Выпуск 1. Тайное становится явным. СПб., 1993. С. 223 – 234.

¹⁸ Слоним М.Л. Портреты советских писателей. Paris, 1933. С. 88 – 89.

¹⁹ Щербаков А.С. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 478.

²⁰ Толстой А.Н. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 486.

²¹ Там же. С. 487.

²² Воспоминания об А.Н.Толстом. М., 1982. С. 44 (свидетельство Д.Офтенберга).

В следующем письме вождю от 16 октября 1943 года Толстой отчитывается о проделанной работе: «Я переработал обе пьесы» – и перечисляет все сделанные им изменения. Вместе с этим письмом он посылает Сталину исправленный вариант обеих пьес, отметив красным карандашом все наиболее важные переделки. Похоже, писателю не терпится увидеть свои пьесы на сцене; он просит Иосифа Виссарионовича дать благословение на начало этой работы: автор энергично выполняет данный ему «социальный заказ»²³.

Через месяц с небольшим после этого письма, 26 ноября 1943 года, Толстой пишет Сталину еще одно письмо вместе с очередной переработкой пьесы «Орел и орлица». Автор решил конкретнее обрисовать линию Курбского и феодалов и заострить линию абсолютизма Грозного. Он считает, что изменил пьесу в лучшую сторону; перечисляет театры, которые хотят приступить к постановке пьес, на которую все еще нет разрешения (впрочем, как и на публикацию). Толстой пишет: «Помогите, Иосиф Виссарионович, благословите начать работу в театрах, если Вы согласитесь с моими переделками»²⁴. Создается стойкое впечатление, что писатель переделывает пьесы не только с целью скорейшей постановки, но чтобы угодить вождю. Третье письмо, как и второе, напоминает отчет о проделанной работе под вдумчивым руководством вождя.

Пьесу «Орел и орлица» («Иван Грозный») Малый театр поставил в октябре 1944 года. В «Правде» за 27 октября 1944 года была помещена благожелательная рецензия на постановку – статья Л.Ф. Ильичева «Пьеса Ал.Толстого „Иван Грозный“ в Малом театре». Премьера пьесы «Трудные годы» состоялась уже после смерти Толстого 16 июня 1946 года во МХАТе. Публикация пьес осуществлена в 1943 году.

Именно эту драматическую дилогию, рисующую противостояние в авторской концепции многострадального прогрессивного царя и бояр-ретроградов, изменников и отравителей, умирающий от рака Толстой подарил сыну Никите с надписью: «Это самое лучшее, что я написал»²⁵.

Была своя сложная история взаимоотношений с властями у Б. Пастернака. Она завязалась в 1920-е годы, когда Генеральный секретарь ВКП(б) на рубеже 1924 – 1925 годов в беседе с Маяковским, Есениным и Пастернаком выразил желание увидеть перевод грузинских поэтов на русский язык. О.В.Ивинская свидетельствует, что в то время «начались разговоры о том, что грузинских поэтов нужно переводить на русский язык. Б.Л., очевидно, подавал большие надежды. Сталин решил, опираясь на талант, который он чувствовал в Пастернаке, возвеличить грузинскую поэзию. Сам Б.Л. свою совместную с Маяковским и Есениным встречу со Сталиным объяснял надеждой последнего на то, что русские поэты поднимут знамя грузинской поэзии»²⁶.

Впрочем, еще при жизни Маяковского выяснилось, что этот невинный «социальный заказ» имел далеко идущие планы. В дневниковой записи от 3 октября 1936 года Л.Горнунг пишет, что поэмы Маяковского «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин» «очень понравились наверху», и прозвучала уверенность, что такие же талантливые поэмы будут написаны и о современном вожде. Когда Маяковский покончил с собой, Пастернаку, по его рассказу, было сделано («намекали») предложение «взять на себя эту роль» «придворного поэта». Борис Леонидович «пришел от этого в ужас и умолял не рассчитывать на него; к счастью, никаких мер против него не последовало»²⁷.

Таким образом, разговор о переводах грузинской поэзии был своеобразным зондированием, преследующим одну цель – создать «карманную» поэзию, а для этого следовало приручить лучших поэтов.

²³ Толстой А.Н. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 500.

²⁴ Толстой А.Н. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 501.

²⁵ Цит. по: Крюкова А.М. Алексей Николаевич Толстой. М., 1989. С. 138.

²⁶ Ивинская О.А. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М., 1992. С. 75.

²⁷ Горнунг Л. Встреча за встречей: Дневниковые записи // Литературное обозрение. 1990. № 5. С. 107.

Однако спустя некоторое время после встречи с вождем поэт все-таки взялся за переводы. Во время работы Пастернак столкнулся с незнакомым языком. Евгений Борисович, сын поэта, свидетельствует, что «занятия грузинским, начиная с 1931 года, дали некоторое понятие об азбуке и грамматике, умение что-то прочесть и понять, сказать застольную речь, но настоящее знание языка, необходимое для того, чтобы создать по-русски стихи, конгениальные оригиналу, требовало много времени и сил. Договорные сроки заставили обратиться к подстрочникам»²⁸. Несколько стихотворений Табидзе и Яшвили Пастернак записал в чтении самих авторов еще в 1931 году, а в октябре 1933 года в отделанном виде эти переводы были посланы в журнал «Литература и искусство Закавказья».

Стремясь раздобыть новые авторские подстрочники, Пастернак примкнул к писательской бригаде, отправившейся 14 ноября 1933 года в Тифлис.

17 ноября 1932 года «Литературная газета» поместила на первой полосе фотографию покончившей с собой Надежды Сергеевны Аллилуевой, жены Сталина, в траурной рамке. Здесь же было помещено коллективное соболезнование 33 писателей. Среди них Л.Леонов и В.Инбер, В.Шкловский и Ю.Олеша, И.Ильф и Е.Петров, Б.Пильняк и А.Фадеев, М.Шагинян и Э.Багрицкий... Обращение было довольно сухим, казенным:

«Дорогой т. Сталин! Трудно найти такие слова соболезнования, которые могли бы выразить чувство собственной нашей утраты. Примите нашу скорбь о смерти Н.С.Аллилуевой, отдавшей все свои силы делу освобождения миллионов угнетенного человечества, тому делу, которое Вы возглавляете и за которое мы готовы отдать свои жизни, как утверждение несокрушимой жизненной силы этого дела»²⁹.

Пастернак предпочел ниже этого послания приписать слова соболезнования лично от себя, слова несравненно более теплые, проникновенные и очень искренние: «Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине; как художник – впервые. Утром прочел известие. Потрясен так, точно был рядом, жил и видел. Борис Пастернак»³⁰.

Не исключено, что это послание Бориса Леонидовича запомнилось. Ведь его слова «...думал о Сталине; как художник – впервые» могли быть истолкованы как обещание писать о вожде. Внимание со стороны критиков возросло.

В 1934 году состоялся еще один телефонный разговор вождя и поэта. Сталин позвонил Пастернаку незадолго до освобождения Мандельштама, за которого Борис Леонидович ходатайствовал через Бухарина³¹.

Пастернака вызвали к телефону, предупредив, кто его вызывает. С первых же слов Пастернак начал жаловаться, что плохо слышно, потому что он говорит из коммунальной квартиры, а в коридоре шумят дети. В те годы такая жалоба еще не означала просьбы о немедленном, в порядке чуда, устройстве жилищных условий. Просто Борис Леонидович,

²⁸ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С. 505.

²⁹ Литературная газета. 1932. 17 ноября. С. 1.

³⁰ Там же.

³¹ В ночь с 13 на 14 мая 1932 года был арестован Осип Мандельштам. Пастернак обратился к заступничеству Бухарина. Одновременно с распоряжением о пересмотре дела Пастернаку позвонил по телефону Сталин. Это было в 20-х числах июня. (Разговор был передан Ахматовой и Н.Я.Мандельштам и по свежим следам ими достаточно точно записан). Е.Б.Пастернак пишет: «Речь шла не о заступничестве за Мандельштама, о котором Сталин сразу сказал, что с ним будет все хорошо, Сталин, как следователь, выяснял, как широко известны стихи, за которые Мандельштам был арестован, и Пастернак, которому они были читаны самим автором, сразу почувствовал крючок в опасных выяснениях относительно дружбы с Мандельштамом, его мастерстве и причинах, почему писательская организация за него не заступает. Он поспешил перейти от этой темы к существенному для него вопросу о праве распоряжаться жизнью и смертью людей, и Сталин, к счастью для собеседника, оборвал этот разговор. Для Мандельштама ссылка в Чердынь была заменена „минусом“. Он поселился в Воронеже» (Пастернак Е.Б. Указ. соч. С. 530).

по свидетельству Н.Мандельштам, в тот период каждый разговор начинал с этих жалоб. «Со Сталиным он разговаривал, как со всеми нами»³².

Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации или «к нему» и не хлопотал о Мандельштаме³³.

После этого разговора Пастернак мечтал о «настоящей» встрече с вождем, о «настоящем» разговоре с ним. Н.Мандельштам рассказывает, что «Борис Леонидович остался недоволен своим разговором со Сталиным и много жаловался, что не сумел его использовать, чтобы добиться встречи»³⁴.

О том же мечтал и Булгаков.

Но «настоящего» разговора с вождем так и не состоялось – ни у того, ни у другого.

Осенью 1934 года на Первом съезде советских писателей СССР в докладе Н.И.Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» Пастернак был выделен «из ныне живущих советских поэтов»³⁵. Это было сигналом к тому, что Пастернак становится официально признанным поэтом. Как официально разрешенный литератор, Пастернак получает причитающуюся ему часть материальных благ. Однако вскоре сам Сталин изменил политику в отношении Пастернака. Вождь решил не его «назначить» лучшим советским поэтом. «Лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» был признан покойный В.Маяковский.

В июне 1935 года Пастернак, по личному распоряжению Сталина, выезжает в Париж на международный антифашистский конгресс. В новогоднем номере газеты «Известия» от 1 января 1936 года появились два стихотворения Пастернака о Сталине – «Я понял: все живо...» и «Мне по душе строптивый норв...». Второе стихотворение интересно тем, что в нем Борис Леонидович говорит о соотношении роли вождя и роли поэта.

Образ вождя постоянно проецируется на жизнь и труд поэта (образ автобиографический, хотя и написано стихотворение от третьего лица). Как отмечает В.С.Баевский, «...поэтами оказываются оба: один – поэт – гений поступка, другой – поэт слова»; в «двухголосой фуге», отмечает исследователь, «Сталин – это первый голос, пропоста, ... а поэт – рипоста...»³⁶.

Постепенно тучи над Пастернаком стали сгущаться. Ведь поэт в этот период открыто пошел против власти. Он ходатайствовал за мужа и сына А.А.Ахматовой, Н.И.Пунина и Л.Н.Гумилева, первый раз арестованных в 1935 году ненадолго и освобожденных вскоре после просьбы Пастернака. Он поддерживал переписку с теми, кто находился в ссылке и в лагере (В.Шаламов, А.Эфрон и др.), помогал семьям репрессированных. В 1936 и 1937 годах Пастернак написал обреченному Бухарину два письма, чтобы поддержать его. Переломным моментом в отношениях Сталина и

³² Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999. С. 171.

³³ Ответ Пастернака: «Писательские организации этим не занимаются с 27 года, а если б я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего бы не узнали...». Затем Пастернак прибавил что-то по поводу слов «друг», желая уточнить характер отношений с О.М., которые в понятие дружбы, разумеется, не укладывались. Эта ремарка была очень в стиле Пастернака и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Да дело не в этом...». «А в чем же?» – спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. «О чем?» – «О жизни и смерти», – ответил Пастернак. Сталин повесил трубку. Пастернак попробовал снова с ним соединиться, но попал на секретаря. Сталин к телефону больше не подошел. Пастернак спросил секретаря, может ли он рассказывать об этом разговоре или следует о нем молчать. Его неожиданно поощрили на болтовню – никаких секретов из этого разговора делать не надо... Собеседник, очевидно, желал самого широкого резонанса. Чудо ведь не чудо, если им не восхищаются» (Мандельштам Н.Я. Указ. соч. С. 171 – 173).

³⁴ Мандельштам Н.Я. Указ. соч. С. 173 – 174.

³⁵ Доклад Бухарина опубликован в: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990.

³⁶ Баевский В.С. Пастернак-лирик: Основы поэтической системы. Смоленск, 1993. С. 218 – 219.

Пастернака, вероятно, стал отказ поэта написать большое произведение о вожде и его эпохе (в духе поэмы «Девятьсот пятый год»). Возможно, это произошло во время встречи Сталина с Пастернаком в 1936 году, когда повсюду шли аресты, а Пастернака не печатали. Кроме того, известно об одном очень опасном для поэта эпизоде. Иосиф Виссарионович позвонил поэту и попросил его дать свою оценку стихам, автор которых – «один его друг» (Борис Леонидович сразу понял, что речь идет о стихах самого Сталина). Когда через несколько дней эти стихи были доставлены Пастернаку, он увидел, что «вирши» слабы. Когда, через длительное время раздался повторный звонок, Пастернак, по воспоминаниям Г. Нейгауз, решительно сказал, что стихи плохие и «пусть его друг лучше займется другим делом, если оно у него есть. Помолчав, Сталин сказал: „Спасибо за откровенность, я так и передам!“ После этого Пастернак ожидал, что его посадят. Но жизнь проходила спокойно»³⁷. Оба собеседника знали, о ком и о чем идет речь, и оба выдержали свою роль до конца.

13 марта 1936 года в разгар дискуссии о формализме на Общемосковском собрании писателей Пастернак открыто заявил о несогласии со статьями в «Правде», обвиняющими в формализме лучшие произведения советской музыки, литературы, изобразительного искусства.

В 1937 году широко отмечался столетний юбилей со дня смерти Пушкина. Союз писателей проводил торжественный пленум. Подверглись критике многие поэты – Н. Асеев, И. Сельвинский, С. Кирсанов, И. Уткин... Но больше всего досталось Пастернаку. Ораторов заводило в тупик сопоставление современной поэзии с пушкинской и желание мерить ее достижения несравненной меркой его высоты. Доклад Тихонова подвергся упрекам за слишком мягкую критику Пастернака, «поэта, меньше всего претендующего на роль представителя пушкинских начал». Наиболее четкая тенденция противопоставления пленума атмосфере съезда была сформулирована в речи А. Суркова, который напомнил о происходившей «здесь, в этом зале, два с половиной года тому назад» «канонизации той части нашей советской поэзии, для которой характерна пресловутая тонкость». При этом в первую очередь подразумевались Пастернак и Сельвинский. В выступлениях Дж. Альтаузена, Д. Петровского, А. Безыменского открыто звучали обвинения Пастернака в намеренном проведении чуждых и враждебных идей под видом тонкости и сложности образов. Пастернаку пришлось приехать на последнее заседание и выступить на нем, напомнив о своих предыдущих превратно понятых выступлениях и возникавших из этого недоразумениях. Пастернак сказал только, что никогда не думал противопоставлять себя обществу и народу и не понимает выдвигавшихся обвинений³⁸.

В марте 1936 года Пастернак послал Сталину книгу своих переводов «Грузинские лирики» (М., 1935). В сборник был включен ряд стихотворений, воспевавших вождя в традициях восточной панегирической поэзии (В. Гаприндашвили, П. Яшвили, Н. Мицишвили). Поэт сопроводил сборник письмом³⁹. Письмо это очень интимно: в нем доверительная, дружеская интонация обращения к вождю, поэтичность, задушевная искренность. И это при всей уважительности к адресату, при подчеркнутой скромности автора. Письмо отличает чувство собственного достоинства, понимание своего значения как художника, позволяющее беседовать с вождем на равных. Отсюда и доверительность, и ответственность суждений – о грузинских лириках, о Маяковском, об Ахматовой, об общественном мнении, о своем творчестве, о себе и о своем адресате. Ощущается уверенность автора в своей правоте, в своем праве высказывать объективную оценку всему. Письмо отмечено последовательно проводимой в нем мыслью об органическом единстве «поэта и царя» как двух разных, может быть, даже полярных началах

³⁷ Нейгауз Г. Воспоминания // Литературная Грузия. 1988. № 2. С. 205.

³⁸ Пастернак Е.Б. Указ. соч. С. 532.

³⁹ Пастернак Б.Л. – Сталину И.В. // Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В. От Горького до Солженицына. Пособие для поступающих в вузы. М., 1995. С. 203.

мироздания: всемогущества, истинного величия вождя – и скромности, жизненной уединенности поэта, движимого интуитивными порывами и прозрениями. В письме ощущается уверенность поэта в том, что вождь его, безусловно, поймет. Она проявляется даже в самом неблагоприятном для поэта контексте признания своей слабости, несамостоятельности, неспособности «поднести» Сталину достойный плод своих трудов; в косвенном отказе от выполнения некоего принятого на себя обязательства; в благодарности за то, что Сталин публично назвал «лучшим, талантливейшим поэтом нашей, советской эпохи» Маяковского, тем самым освободив Пастернака от тяготящего титула и соответствующих ему политических обязанностей. Эта особая доверительность звучит и в благодарности за чуткость (освобождение мужа и сына Ахматовой), и в намеке на собственную художественную неординарность – «скромная тишина», «неожиданности», «таинственности», особая, поэтическая любовь к жизни, которую может адекватно понять и оценить только близкий человек – адресат, сам личность неординарная⁴⁰. Наконец, как замечает В.С.Баевский, «обращает на себя внимание дважды выраженное ощущение мистической связи, соединяющей поэта и вождя: уверенность в том, что не выраженное чувство признательности все равно до Сталина дойдет, и слова о чем-то тайном, что привязывает автора письма к Сталину»⁴¹.

Таким образом, письмо-дифирамб, представленное столь значительными именами, занимает далеко не последнее место в ряду «писем вождю».

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Баевский В.С. Указ. соч. С. 225.